

ХРИСТИАНСТВО, СВОБОДА, ДЕМОКРАТИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Рассматривается публицистика А. Солженицына, созданная в изгнании и отражающая его взгляд на христианство, свободу, демократию. Отмечается, что нацеливает писатель на возвращение к Богу, христианские ценности, и вместе с тем некоторые его суждения противоречат духу свободы и гуманизма. Мироззрение А. Солженицына проясняется с большей определенностью.

Ключевые слова: Бог, безбожие, война, репрессии, бездуховность, свобода без нравственного обеспечения, демократия, местное самоуправление.

А. Солженицын в своих произведениях 1950–1960-х гг. выступил с обличением массовых репрессий и тоталитарных порядков в СССР, отстаивая в противовес веру в Бога и жизнь по-божески, идеал христианского гуманизма. Все наиболее близкие писателю по духу персонажи – верующие, православные люди, либо обретающие веру в Бога. С наибольшей определенностью А. Солженицын сформулировал основы своего мироззрения в публицистике и публичных выступлениях периода эмиграции и в годы перестройки на родине. Таковы: «Гарвардская речь» (Кэмбридж, 8 июня 1978), «Темплтоновская лекция» (Лондон, Гилдхолл, 10 мая 1983), «Измельчание свободы. Слово при получении премии «Фонда свободы» (Стэнфорд, 1 июня 1976), «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения» (1990), «Игра на струнах пустоты. Ответное слово на присуждении литературной награды Американского Национального Клуба Искусств» (Нью-Йорк, 19 января 1993), «Мы перестали видеть цель. Речь в Международной Академии Философии» (Вадуц (Лихтенштейн), 14 сентября 1993) и др.

Сквозная мысль, которая пронизывает солженицынскую темплтоновскую лекцию, – «Люди забыли Бога, оттого и все» [2, с. 101] плохое. Эти слова повторены трижды. Прежде всего писатель имеет в виду Советский Союз, но подчеркивает, что это процесс всеобщий: «Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту *всего* XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем: «Люди – забыли – Бога». Пороками человеческого сознания, лишённого божественной вершины, утверждает А. Солженицын, «определились и все главные преступления этого века. И первое из них – Первая Мировая война, многое наше сегодняшнее – из нее. Ту, уже как будто забываемую войну, когда изобильная, полнокровная Европа как безумная кинулась грызть сама себя, и подорвала себя может быть больше, чем на одно столетие, а может быть навсегда, – ту войну нельзя объяснить иначе как всеобщим помрачением

разума правящих, от потери сознания Высшей Силы над собой. И только в этой безбожественной озлобленности христианские по видимости государства могли тогда решиться применять химические газы – то, что так уже явно за пределами человечества»[2, с. 101–102].

С объяснением причин войны можно не соглашаться, но в том, что она была антихристианской, А. Солженицын прав. А он свою мысль развивает:

«Таким же пороком сознания, лишенного божественной вершины, уже после Второй Мировой войны было – поддаться сатанинскому соблазну “ядерного зонтика”. То есть: снимем заботы с себя... не будем делать усилий защищать себя или тем более кого других, – заткнем наши уши от стонов с Востока и будем жить в погоне за счастьем, а если грянет и над нами опасность – то нас защитит ядерная бомба, а нет – ну тогда пусть сожжется к черту весь мир!» [2, с. 102]. Частично А. Солженицын прав – настоящей разрядки не наступило, и во многом именно по вине Запада.

Изнутри зная пороки советской системы, А. Солженицын в то же время отчасти идеализирует Запад и упрекает его за недостаточную борьбу с коммунизмом. Получается, писатель был бы не против, если бы Запад вторгся в СССР, чтобы что-то в нем изменить, начал бы войну с ним? Запад, конечно же, это и сделал бы, если бы не предусмотрел получить ядерный ответ, и в этом – не его слабость, как доказывает А. Солженицын, а – его трезвость. Подход А. Солженицына не воспринимается как христианский, хотя он как будто отстаивает именно христианский гуманизм. Это подтверждают и рассуждения писателя о войне США во Вьетнаме, куда они вторглись под предлогом утверждения в этой стране демократии; а жертвы этой войны оказались столь огромны, что вызвали протест против нее части либералов в самих США, выступавших с требованием войну прекратить. А. Солженицын называет их предателями, спасовавшими перед коммунизмом. Помощь же СССР, скажем, Анголе, которая вела антиколониальную борьбу, он осуждает. Получается, насилие одних – ради «светлых целей» – он осуждает, других – оправдывает. Складывается впечатление, что сам христианский гуманизм А. Солженицына имеет воинствующий характер – заидеологизированный ненавистью к коммунизму и отчасти искаженный. Из христианства он берет не мир, а меч, точнее мир через меч (=насилие).

Но можно согласиться с общей оценкой А. Солженицыном происходящего:

«Сегодня мир дошел до грани, которую если бы нарисовать перед предыдущими веками – все бы выдохнули в один голос: “Апокалипсис!” Но мы к нему привыкли, даже обжились в нем»[2, с. 102].

И А. Солженицын возвращается к тому, с чего начал: «Весь XX век втянут в крутящую воронку атеизма и самоуничтожения. И в этом падении мира в бездну есть черты несомненно глобальные, не зависящие ни от государственных политических систем, ни от уровня экономики и культуры,

ни от национальных особенностей»[2, с. 103]: наблюдается падение веры в Бога (по сравнению с предшествующими веками) и роли церкви в мире.

Объясняется это постепенным утверждением научной картины мира, согласно которой существование Бога не находит реального подтверждения; но, как и любого верующего, А. Солженицына это не убеждает. Он восхищается Россией прежних веков, когда общественным идеалом, по его словам, была – «святость образа жизни. Россия тогда была напоена православием... В те века православная вера у нас вошла в строй мысли и людских характеров, в образ поведения, в строение семьи, в повседневный быт, в трудовой календарь... Вера была объединяющей и крепящей силой нации» [2, с. 103]. Можно было бы уточнить, что все это не отменяло ни крепостного права, ни деспотизма власти, в чем ничего христианского нет. А. Солженицын настолько влюблен в дореволюционную Россию, что сильно ее идеализирует. Но он, безусловно, прав в том, что атеизм, в значительной степени пришедший с Запада, неправомерно было насаждать после революции насильственным путем – путем репрессий. Писатель приводит такие факты:

«20-е годы в СССР – это длинная вереница поголовного мученичества православных священнослужителей. Два расстрелянных митрополита, из них петроградский Вениамин, избранный всенародным голосованием. Сам патриарх Тихон, прошедший ЧК-ГПУ, а затем умерший при загадочных обстоятельствах. Десятки архиепископов и епископов. Десятки тысяч священников, монахов и монахинь, которых чекисты, заставляя отказаться от слова Божьего, пытали, расстреливали в подвалах, слали в лагеря, ссылали в безлюдную тундру на крайний Север, выбрасывали стариков голодными и бездомными на бедствия. И все эти христианские мученики стойко шли на смерть за веру, лишь редкие единицы дрогнули и отказались. И десяткам миллионов мирян загородили путь во храм, запретили воспитывать в вере детей, отрывали от них в тюрьму...»[2, с. 105]. Вместе с репрессиями подрывалась сама традиционная основа национальной жизни – вера в Бога заменялась верой в коммунизм, для необразованных масс оставшимся чистой абстракцией, к тому же – оправдывавшей революционное насилие, и вообще во многом людей пытались перевоспитать запретами и репрессиями. Гуманизма в этом нет. Злоупотребление насилием вылилось в политику массовых репрессий, справедливо осуждаемую А. Солженицыным. Но писатель отмечает: несмотря ни на что, сохранились и миллионы верующих, они лишь вынуждены молчать, не демонстрировать своей веры в Бога. А. Солженицын делает вывод: «...как бы ни был коммунизм оцетинен ракетами и танками, и как бы успешно он ни захватывал планету, – он обречен никогда не победить христианство»[2, с. 106], поскольку при всем своем утопизме христианство более гуманно. То, что Запад точно так же оцетинен ракетами и танками и точно так же на свой лад пытался захватить

планету, писатель умалчивает. Вместе с тем он показывает разницу в отношении к религии и церкви в СССР и на Западе: правда, и в СССР в позднесоветский период отношение к церкви смягчилось, но на Западе религия и церковь преследованиям не подвергались, оставались свободными. Однако и на Западе, несмотря на это, произошло, по словам А. Солженицына, «иссушение религиозного сознания», то есть под воздействием восприятия научных открытий все больше людей становилось неверующими безо всякого принуждения.

В своей «Гарвардской речи» (1978) А. Солженицын объяснял это так:

«...Остается искать ошибку в самом корне, в основе мышления Нового Времени. Я имею в виду то господствующее на Западе мирознание, которое родилось в Возрождение, а в политические формы отлилось с эпохи Просвещения, легло в основу всех государственных и общественных наук и может быть названо рационалистическим гуманизмом либо гуманистической автономностью – провозглашенной и проводимой автономностью человека от всякой высшей над ним силы. Либо, иначе, антропоцентризмом – представлением о человеке как о центре существующего.

Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: Средние Века исчерпали себя, стали невыносимы деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной. Но и мы отринулись из Духа в Материю – несоразмерно, непомерно» [2, с. 64]. Произошел, считает А. Солженицын, перекося в обратную сторону: подавление духовного в человеке материальным. «Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. <...> Запад наконец отстоял права человека, и даже с избытком, – но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут – и мир оказался в жестоком духовном кризисе и политическом тупике» [2, с. 64–65]. А. Солженицын это очень беспокоит, так как в Западе он видит противовес тоталитарному Советскому Союзу, не замечая, что по методам своей международной политики они – «близнецы-братья». Писатель упрекает Запад в «ослепении превосходства», недооценке будто бы угрозы с Востока. Ошибкой Запада А. Солженицын считает союзнические отношения с СССР в годы Второй Мировой войны: «Так, во Второй Мировой войне против Гитлера, вместо того, чтобы выиграть войну собственными силами, которых было, конечно, достаточно, – вырастили себе горшего и сильнее врага...» [2, с. 62]. Писатель как будто забывает, что и Европа, а не только Германия, в

значительной своей части была фашизирована и поддерживала Гитлера, у остальных же стран как раз не было достаточно сил, чтобы самостоятельно одержать победу, и далеко не сразу и вынужденно они пошли на союзничество с Советским Союзом, к тому же не желая отдавать ему победу над фашизмом целиком.

Дебатировавшуюся идею конвергенции между Западом и СССР А. Солженицын отрицает, будучи убежденным, что Запад и СССР «непревратимы друг во друга без насилия» [2, с. 50]. О том же, что «худой мир лучше доброй ссоры», он словно не помнит. К тому же конвергенция, согласно А. Солженицыну, повлечет за собой и вбирание «пороков противоположной стороны» [2, с. 50], что не сделает СССР лучше.

Из рассуждений А. Солженицына видно, что он считает пороками Запада, в других отношениях им превозносимого.

«Запад необратимо сползает в пропасть. Западные общества все более теряют религиозную суть и беззаботно отдают атеизму молодежь» [2, с. 107], – доказывает писатель. Какие еще нужны свидетельства безбожия, если по Соединенным Штатам, имеющим престиж одной из самых религиозных стран в мире, шел глумливый фильм об Иисусе Христе?

А. Солженицын как будто забывает, что настоящая свобода допускает как свободу религиозных верований, так и свободу атеизма. Критикуя запрет на религию в СССР, он сам в чем-то уподобляется критикуемому, и, думается, – если бы это было в его власти – ввел бы запрет на атеизм.

Так что позиция этого писателя далеко не однозначная; и в современной ему русской литературе на родине А. Солженицын ценит только писателей-«деревенщиков» с их почвенническими упованиями, доказывая, что больше ничего достойного в русской литературе второй половины XX века будто бы нет, или, как он сам выражается, – «литературы нет». Проступает в его позиции что-то одномерное, не желающее принять реальную жизнь во всей ее полноте, хотя на словах он к этому призывает.

«Обезбоживанием» А. Солженицын объясняет и бездуховность Запада, где счастье большинству видится в достижении лишь высокого уровня материальной обеспеченности, смысл жизни многих свелся к потреблению и обогащению, так что сам человек примитивизируется, стандартизируется, деградирует. «Новая вера» – культ доллара – признается для человечества недостаточной и неполноценной. Полуоправдание слышится в солженицынском утверждении: «...пороки капитализма есть коренные пороки человеческой природы...» [2, с. 107], ведь и о социализме можно сказать то же самое (просто это разные пороки), но социализму они не прощаются.

«Обещательные социальные теории – обанкротились, покинув нас в тупике» [2, с. 109] – заявляет А. Солженицын, имея в виду прежде всего

коммунистическое учение, которое действительно много обещало людям (почему за ним и потянулись), но мало из обещанного дало. Потому, согласно А. Солженицыну, выход из общего тупика, к которому пришло человечество, один: вернуться «раскаянно к Создателю всего» [2, с. 109]. «Наша жизнь, – резюмирует писатель, – не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста. Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей, и уйти из жизни нужно, став лучше, чем был» [2, с. 110]. Высказывание писателя содержит противоречие: конечно же, человек должен стремиться к самосовершенствованию, стараться стать лучше – в этом А. Солженицын прав; но, рассматривая земную жизнь лишь как подготовку к жизни вечной – в Царстве Божием, он, руководствуясь религиозной утопией, обесценивает земную жизнь, а ведь, скорее всего, кроме нее, ничего другого человеку и не дано.

Поэтому, в отличие от светского христианства, скажем, М. Булгакова и Б. Пастернака, солженицынское христианство можно охарактеризовать как церковное христианство: суженное, достаточно агрессивное и далеко не всех устраивающее.

Как бы там ни было, брать Запад за образец желающей меняться России А. Солженицын не советует.

Особо касается писатель качественного наполнения понятия «свобода», которая, безусловно, необходима гуманному обществу. Об этом идет речь в его выступлении «Измельчание свободы» (1976).

Современное понимание свободы, считает А. Солженицын, почти исключительно свелось в западном мире к свободе от наружного давления, к свободе от государственного насилия. А вот для чего используется полученная свобода? Чем ее люди наполняют? Выясняется, что немало свобод порочных: и свобода выпускать фильмы и издавать журналы порнографического характера, развращающие молодежь (зато дающие заработать этому отсеку рынка); и свобода «сбора сплетен, когда журналист для своих интересов не пожалеет ни отца родного, ни родного Отечества» [2, с. 43]; и свобода «бизнесмена на любую коммерческую сделку, сколько б людей она ни обратила в несчастье или предала бы собственную страну» [2, с. 43] и т. д. Юридически это свободы безупречны, то есть законом подобное не запрещено, но они – нравственно порочны; получается, что многие типы свободы, наблюдаемые А. Солженицыным, – без морального обеспечения, в то время, как нравственный фактор для общества чрезвычайно важен, иначе оно начинает разлагаться. Так что большую роль играет, чем будет заполнена полученная свобода.

По А. Солженицыну, свобода – это лишь предпосылка, условие полноценного существования.

«Я сторонник того взгляда, – говорит А. Солженицын, – что жизненная цель каждого из нас – не бескрайнее наслаждение материальными благами,

но: покинуть Землю лучшим, чем пришел на нее, чем это было определено нашими наследственными задатками, то есть за время нашей жизни пройти некий путь духовного усовершенствования. (Сумма таких процессов только и может называться духовным прогрессом человечества.) Если так, то внешняя свобода оказывается не самодовлеющей целью людей и обществ, а лишь пособным средством нашего неискаженного развития; только *возможностью* для нас – прожить не животным, а человеческим существом; только *условием*, чтобы человек лучше выполнял свое земное назначение» [2, с. 42]. А высшим ориентиром для него, по А. Солженицыну, должен быть Бог.

«Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие – не могут быть венцом человечества. Чистота общественных отношений» важнее, «чем уровень изобилия, – внушает А. Солженицын в работе «Как нам обустроить Россию»: «Если в нации иссякли духовные силы – никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет ее от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всех возможных свобод – на первое место все равно выйдет свобода бессовестности...» [2, с. 203–204].

Вместе с тем писатель предсказывает, что слепое копирование Запада и господствующих там норм может привести к превращению России в колонию, что в 1990-е и произошло. Предлагает А. Солженицын определиться и с типом демократии, которой все загорелись, предупреждает: «Несправедливости творятся и при демократии, и мошенники умеют ускользать от ответственности. <...> Что ж отрицать, что при демократии деньги обеспечивают реальную власть, неизбежна концентрация власти у людей с большими деньгами» [2, с. 219–220]. Поэтому писатель предлагает идти к демократии от народного самоуправления на местах.

Чтобы не утратить национальную идентичность, нравственно преобразиться, крайне важно, по А. Солженицыну, возродить в православную национальную традицию, «вспомнить» о Боге, которого «забыли», принести покаяние за совершенные в XX веке грехи, а атеизм в школах запретить. А как же свобода совести, за которую так ратовал всегда писатель? Чем насильственно насаждаемая религия будет отличаться от насильственно утверждавшегося атеизма? И почему начинать «обустройство России» нужно с запрета? И писатель отсекает своей постановкой вопроса, во-первых, неверующих, во-вторых, людей других верований: католиков, мусульман, буддистов, а Россия – страна многонациональная и разнoverующая, тогда как критику А. Солженицыным тоталитаризма принимали все его читавшие. В отрицании он, безусловно, сильнее, чем в утверждении. Тип солженицынского мышления оказывается черно-белым, отнюдь не лишенным тоталитарности. Видимо поэтому, на роль пророка

новой России А. Солженицын (при самом благожелательном к нему отношении) не потянул.

Публицистика А. Солженицына, таким образом, выявляет не только сильные, но и слабые стороны его программы, в художественных произведениях более скрытые. Тем не менее она побуждает о многом задуматься и нацеливает уравновесить материальные и духовные запросы, побуждая вспомнить слова М. Горького: «Человек выше сытости»[1, с. 170]. А также демонстрирует, насколько разные выводы могут делаться из христианского учения.

Библиографический список

1. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 6 / М. Горький. – М.: Госиздат худож. лит., 1950. – С. 103–175.
2. Солженицын, А. Подлинная свобода: Избранная публицистика в годы изгнания / А. Солженицын. – СПб.: Азбука, 2015. – 320 с.